

8. Кобылянская О. Итальянские суфражистки // Женское дело. М., 1913. № 20. С. 10–11.
9. Мирович Н. Выступление английских суфражисток // Женское дело. М., 1910. № 7. С. 5–7.
10. Мирович Н. Женское движение в Зап. Европе и в России // Женское дело. М. 1910. №1. С. 4–5.
11. Смеюха В. В. Трансформация женской прессы в начале XX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. В. Вернадского. Филологические науки. 2015. № 3. С. 13–22.
12. Суворова М. С. Журнал «Женское дело»: издание для интеллигентных читательниц // Шаг в историческую науку: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Екатеринбург. 2018. С. 175–178.

**А.В. Медведев**

*Самарский национальный исследовательский университет*

### **СОВЕТСКО-БРИТАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ИРАНЕ В 1918–1921 ГГ. В РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

После завершения Первой мировой войны 1914–1918 гг. и падения Российской империи Иран стал местом борьбы между Британией и формировавшейся Советской Россией. Великобритании, традиционно имевшей в регионе политическое и экономическое влияние, нужно было сохранить и укрепить свои позиции, что на начальных этапах ей вполне удавалось. Советской России, молодому государству со слабой еще международной позицией, требовалось защитить свои границы на южном направлении, особенно в условиях усилившегося британского влияния. Эти англо-советские противоречия по-разному освещаются в отечественной и зарубежной историографии и требуют более пристального внимания.

Одним из ключевых обсуждаемых в литературе вопросов является британское влияние на внутривнутриполитические изменения в Иране, поскольку именно с ними исследователи связывают конфигурацию дипломатических отношений между Советской Россией и Иранским государством. Советская историография с самого начала подчеркивала серьезное британское влияние на политический курс Ирана 1920-х гг. Уже в 1923 г. советский историк В.А. Гурко-Кряжин писал о том, что этот период – наивысшая точка английского влияния в Персии [4, с. 77]. Современная российская историография в целом продолжает эту линию. К примеру, С.М. Алиев, опираясь на положения меморандума Керзона 1918 г., подчеркивает, что целью Великобритании было «недопущение распространения на Иран влияния большевистской революции» [2, с. 96].

Сходные оценки содержатся и в британской историографии. Так, Ира Клейн еще в 1970 г. отмечала, что Восуг од-Доуле был «запятнан в общественном мнении своими тесными связями с британцами» [7, с. 445]. Именно

на этот аспект во внутренней политике Ирана позднее, в начале 1990-х гг., обращал внимание и Майкл Зирински [9, с. 641]. С иных позиций выступает современная британская историография. В частности, Филип Гробиен в одной из последних работ писал, указывая на прагматичность иранского правительства, что «он [Восуге од-Доуле] просто считал, что независимость невозможна, учитывая средства, имеющиеся в распоряжении Ирана» [8, с. 11].

По-разному оценивается в исторической литературе и англо-иранское соглашение, заключенное в августе 1919 г. По мнению Ф. Гробиена, оно превращало Персию «буквально в вассальное государство» [8, с. 11]. Советские историки видели в нем инструмент международного давления. К примеру, С.Л. Агаев указывает, что Великобритании оно было выгодно не только экономически, но и как рычаг усиления своих позиций на Парижской мирной конференции [1, с. 15]. Весьма критично описывают действия Великобритании в момент подписания договора современные историки А.З. Арабаджян, Е.В. Дунаева и Н.М. Мамедова, называя англо-иранское соглашение 1919 г. «кабальным», а политику Британии – «циничной» и «лицемерной» [3, с. 195]. Современные британские историки смотрят с другого ракурса; так, Ф. Гробиен переносит акцент с колониальных устремлений на задачи послевоенного восстановления Британской империи [8, с. 12].

Последствия заключения англо-иранского соглашения также оцениваются по-разному. Еще в 1923 г. советский дипломат И.М. Майский, хорошо знавший британский контекст, отмечал, что уже к концу 1920 г. начались серьезные разногласия между странами [6, с. 157]. Советские историки видели в них следствие капиталистических интересов Великобритании: так, В.А. Гурко-Кряжин подчеркивал чисто экономические причины, отмечая кризис из-за дороговизны английского импорта и перехода некоторых провинций Ирана на малоценные культуры для увеличения сбыта [4, с. 80], а С.Л. Агаев указывал на антианглийские выступления и снижение доверия к правительству [1, с. 16–199]. Современная российская историография сохраняет акцент на подъеме антиимпериалистического движения в северных провинциях Ирана [2, с. 98]. Британские историки не отрицают, что политика империи потерпела крах и привела к усилению отношений Ирана и Советской России, особенно под влиянием советских революционных настроений.

Наконец, советско-иранский договор 26 февраля 1921 г., оценивается в отечественной историографии только с положительных сторон: как договор, освобождавший Иран от «насильнической политики царского правительства» [6, с. 158]. Современный российский историк Ю.А. Демин, основываясь на материалах архивных источников, указывает, что такая советская политика проводилась также с перспективой на улучшение международного положения СССР, защищая южные границы страны [5, с. 19]. Британские историки считают договор следствием антибританской поли-

тики, полагая, что Иран просто нашел себе нового партнера [7], при этом не указываются преимущества этого договора для Ирана и отличие его от англо-иранского соглашения 1919 г.

Таким образом, англо-советская конфронтация в Иране в первые годы после окончания Первой мировой войны остается одним из ключевых сюжетов в изучении системы международных отношений на Среднем Востоке. Несмотря на идеологические разногласия и политизированность подходов, исследователи сходятся во мнении относительно агрессивного характера действий Британии в Иране в 1917–1919 гг. Между тем, взгляд на политические глобальные цели, которые преследовали обе страны, до сих пор является предметом дискуссий.

### **Библиографический список**

1. Агаев С.Л. Иран в период политического кризиса в 1920–1925 гг. М., 1970.
2. Алиев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004.
3. Арабаджян З.А., Дунаева Е.В., Мамедова Н.М. Советско-иранский договор 1921 года и его значение для отношений двух стран // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. Вып. 6. С. 191–202.
4. Гурко-Кряжин В.А. Краткая история Персии. М., 1925.
5. Демин Ю. А. Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 14–21.
6. Майский И.М. Внешняя политика РСФСР. 1917–1922. М., 1923.
7. Klein I. British Policy and the Iranian Constitution, 1919–1921 // The Historian. 1974. Vol. 36. №3. P. 434–454.
8. Grobien P.H. The Origins and Intentions of the Anglo-Persian Agreement 1919: A Reassessment // Iran. 2022. Vol. 62. № 2. P. 278–293. <https://doi.org/10.1080/05786967.2022.2080581>
9. Zirinsky M.P. Imperial Power and Dictatorship: Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926 // International Journal of Middle East Studies. 1992. Vol. 24. №4. P. 639–663.

**А.С. Сысуева**

*Тольяттинский государственный университет*

### **РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В 1920-Е ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ Г. СТАВРОПОЛЬ-ТОЛЬЯТТИ**

«Для провинциальных городов, где не происходило крупных исторических событий, главную роль в сохранении и накоплении истории родного края играют краеведческие музеи и деятельность историков-краеведов. Благодаря их исследованиям и работам существует и постоянно развивается движение по сохранению исторической памяти. Сейчас даже в большинстве сел и деревень существуют свои краеведческие музеи, а представить город без такого учреждения довольно трудно» [1, с. 316].